

ГЛАВА 1

Болтанка не щадила ни прогнившее судно, ни внутренности: в желудке уже ничего не осталось, но Гроу все еще висел на бортике и смотрел в темную воду. На палубе появились матросы, за ними змеями потянулись канаты. Парни отлично справлялись в темноте. На этом корабле все, кроме Гроу и его товарища, были элрятами. А в Элрае рождались отличные моряки и охотники.

— Эй, вионец, ищешь свой желудок?

Гроу не разделил веселья матросов. Ему хотелось пить, а еще больше — повеситься. Хватаясь за влажные канаты, он спустился в темный трюм и задел головой качавшийся над входом масляный светильник. Тени запрыгали по углам. Он искал среди набитых барахлом мешков деревянную баклагу с пивом. Пальцы наткнулись на что-то мягкое. Комок взвизгнул и бросился прочь. Гроу ухватил беглеца за хвост. Давненько он не охотился на крыс, но опыт остался. Пытаясь устоять на ногах, он поднял грызуна над головой:

— Выглядишь неплохо. Как ты справляешься с качкой, друг?

Крысенок растопырил лапы и ответил истеричным визгом. Почувствовал, видно, бедалага, что раньше собеседник не просто убивал грызунов, но и с удовольствием ел. Ел и был благодарен. Желудок Гроу свело, к горлу подкатила желчь. Отбросив зверька на бочку, он привалился коленом к мешку с сухарями и застонал. Пожалуй, на каторге он чувствовал себя бодрее. Легкие сжались, они больше не могли принимать спертый воздух с примесью тухлой рыбы. Тело запульсировало в такт монотонным ударами волн о борт.

Хоть ори, хоть бейся головой об пол, хоть зывай к милости духа моря, всему мирозданию плевать. Теперь Гроу знал, какой участи будет просить у первопредков для своих врагов — вечного морского путешествия на утлом челне в шторм. Правда, одного челнока мерзавцам не хватит.

Судно вздрогнуло. Глухо клацнули цепи под потолком. В поясницу уперлось нечто твердое. Сзади сквозь глухой шум волн и скрип досок Гроу различил тяжелое дыхание. Кровь ударила в виски. Кто к нему пристроился? Матрос, наемник? Опытный убийца занял бы позицию получше. Он бросил:

— Надеюсь, ты уперся в меня кинжалом? Лучше отойди, и так тошно.

Качка немного унялась.

— У меня отравленный нож, чер. Закрой рот и повернись. — Обидчик расставил ноги и сильнее

вжал в поясницу оружие. Его голос прозвучал хрипло и показался незнакомым, но Гроу и не стремился якшаться с элраятскими матросами. Для экипажа корабля он действительно был чером — кровником из чужих земель. Кулаки потяжелели, но ссориться Гроу не хотел.

Он приподнял руки и развернулся. Нож элраята скользнул по его кожаному жилету кривой дугой и уперся в медную застежку на груди. Увидев желтое лицо с впалыми щеками, Гроу прищурился. Перед ним был простой моряк. И что же с тобой делать, дружок? Дипломат из него был неважный, да и собеседник вряд ли знал такое слово. Он постарался подыскать выражения без ругательств:

— Ну, чего приперся? Вынюхал, что я каторжник или наемник? Или что герцог? — Последнего он не сказал. У моряка и без того глаза округлились, а такая новость могла насмешить и сбить с серьезного настроения. Кто поверит, что парень, иссеченный шрамами так, словно пьяные лекари тренировались на нем штопать раны, — герцог.

— От тебя шарахались лошади в бухте, я видел, — моряк оскалился. — И шрамы на роже. Ты — Он... да? За тебя дорого заплатят.

— Кто он? Маг? — По дернувшемуся глазу Гроу не понял, угадал или нет. Магов элраюты не любили, считали их посланниками бога хаоса и смерти, меняющими ему в угоду земные каноны. Гроу не разделял этой неприязни, он не верил в богов и слишком мало знал о законах природы. Но магов уважал. Они

умудрялись продавать смердящие коровьи языки по цене целой туши и вдохновляли покупателей носить их как амулеты на поясах и седлах верблюдов.

— К бесу магов! — Моряк остановился взглядом на кожаной суме Гроу, пристроенной между потертых гнилых мешков и перехватил нож. — Что там, а?

— Не тронь, — Гроу дернулся. Сердце яростно заколотилось. В суме лежало самое ценное — сытные лепешки из перемолотой кукурузы и корни агвы, притупляющие голод на несколько дней.

Моряк попытался схватить суму. Гроу скользнул рукой вдоль его ножа и вцепился в кисть обидчика. Раздался хруст. Ладонь элраята выгнулась, и пальцы коснулись запястья. Нож с глухим стуком упал.

И всего-то? Поняв, что сопротивления не будет, Гроу хмыкнул и с трудом разжал руку. Моряк устался на изувеченную кисть и рухнул на колени. Трюм наполнил болезненный вой.

— Просил же, не трогай, — Гроу вытер пот со лба и глубоко вздохнул. В груди стало горячо, а мышцы потяжелели. Он поднял нож моряка и крутанул в руке. Чужая боль доставила удовлетворение как глоток терпкого рома: вроде на языке горько, а по жилам разбегается приятное тепло. — Тс-ш-ш. Ты слаб и туп, не находишь? — на лице Гроу застыла гримаса отвращения, а голос дрогнул: — Шрамы мои понравились? Думаешь, те, кто их оставил, выжили?

Дверь со скрипом раскрылась. Гроу убрал нож за пояс и отшатнулся от моряка. Что может быть хуже одного тупого элраята? Только десяток. Увидев сосредоточенного Хэджа, он выпрямился и придал лицу невинное выражение. Раздражение схлынуло. Он обрадовался товарищу. В засаленной походной одежде барон походил на стареющего корсара, и только привычка входить в помещение, держась правой рукой за пояс, выдавала в нем аристократа.

— Гроу? Скоро берег, я видел птиц. — Придержав лампу над входом, Хэдж присмотрелся и кивнул на моряка: — Это что? Бедолага покусился на еду?

Гроу ответил коротким вздохом. Он так и не понял, за кого его принял элраят, явно за какого-то олуха.

— Прелестно... — Хэдж плотно закрыл дверь и перешел на родной для них обоих вионский. — Это ты виноват. Нечего было шастать и без конца проверять свой харч. Тут и ленивый заинтересуется. Двадцать с одним годков, а словно деньков, — Хэдж отбросил со лба слипшиеся жесткие волосы и добавил: — Ты станешь первым правителем, чьей страже придется защищать не тебя, а окружающих.

Гроу понравились эти слова.

— Согласен. Я перестарался. Что делать? — он указал на бухту канатов у двери: — Может, связать его, пока не поднялся шум?

— И тебя до кучи, — Хэдж подошел к стонущему парню. — Пока человек жив, всегда можно договориться. Хорошо, что рука для переговоров не так важна, как голова. Эй... — Он ухватил моряка за предплечье и помог встать. — Вот так. — Барон расстегнул жилет и вытащил из-за пазухи пару золотых унтов с квадратными отверстиями посередине. Втиснув монеты в здоровую руку парня, он перешел на элраятский:

— Прости моего попутчика. У него скверный характер. Надеюсь, это загладит вину?

Моряк, трясась всем телом, издал короткий гортанный звук, выражая согласие.

Еще бы не согласиться! Гроу не одобрил расточительности друга. Двух золотых элраят, трудящийся на торговом корабле, не получил бы и за год. К тому же капитан судна терпеть не мог воров и лжецов. Он бы сбросил матроса за борт.

Видимо, барону не хотелось омрачить прибытие в родные земли жестокой казнью.

С палубы донеслись свист и протяжный крик: «Вижу зе-е-емлю-ю-ю!» В возгласе не было радости, скорее, злое предупреждение.

Время ожидания истекло.

Все свое внимание Гроу направил на голоса и топот, доносившиеся с палубы. Сердце радостно забилося. Скоро он сойдет на твердую землю. И не просто землю, а попадет домой. Он решил проследить за тем, чтобы элраятские не забыли развести сигнальный огонь.

В бухте условного сигнала ждал граф Эффир Жастар, чья добрая воля позволила воплотить идею о возвращении Гроу в родное герцогство — обрести команду и паруса.

Гроу схватил мешок с едой, нацепил меч и выскок из трюма.

На палубе он обогнал бегущих к мачтам моряков и направился к носу корабля. Холодный ветер растрепал мелкие косички, собранные на затылке в пучок. Губы мгновенно покрылись налетом соли. Перемахнув через моток старой парусины и взбежав по узкой лестнице, он добрался до чана с дымящейся желтой смесью и закашлялся. Элраюты не подвели, сигнальный костер вышел славным. По кораблю распозлся запах серы, а палубу окутал едкий дым. Затаив дыхание, Гроу всматривался в горизонт, но в темноте не видел ничего, кроме тускнеющих багровых облаков и черноты.

— Свернуть нижние паруса, зарифить марсели! — пролаял боцман, повторяя приказ капитана.

Ветер задул в корму, и Гроу вслед за моряками крепко схватился за снасти. Все его внутренности сжались от нетерпения.

Из тумана выглянули темные холмы, снизу их окружила белая пелена, сверху придавили низкие багровые облака. С моря родные земли показались именно такими, какими он запомнил их в детстве, — угрожающе мрачными. Только в ту ночь, десять лет назад, холмы неумолимо удалялись, а элраюты хлестали Гроу плетями и не давали выпрыгнуть за борт.

Он выхватил взглядом теснящиеся на берегу рыбацкие челны. За ними открылись закопченные хижины. Еще дальше, у начала леса, показался густой белый дым. Сигнал от Эффира! Все складывалось удачно. Рядом встал Хэдж и, закинув на плечо увесистую суму с золотыми слитками, поинтересовался:

— Видишь костер?

Гроу не сдержал широкой улыбки:

— Да.

Корабль разрезал носом дымку тумана и подошел к причалу. Гроу и Хэдж выбрались на застланную неровными досками набережную. Лунную гавань отделял от моря узкий остров, и вода здесь была спокойна, как в водоеме. Моряки, ставшие на твердой земле пугливее сурков, принялись выгружать на берег имущество Гроу и Хэджа. Свечи, шелк и специи барон привез для прикрытия. Внутри тюков были спрятаны золотые монеты.

Со стороны леса ветер донес аромат прелой прошлогодней листвы. Дух весны только взял в свои теплые руки вожжи и не успел объехать владения. Гроу осмотрелся. Еще в землях элраяттов, мечтая о возвращении, он представлял, как сбежит с корабля, упадет на колени и поцелует родную землю. Он покосился на матросов. Зрителей в своих фантазиях он не учел. Стоявший рядом Хэдж насупился:

— Костер-то есть, а где Эффир? Задремал или кутит с рыбаками?

Гроу кивнул в сторону хижин:

— Может, схожу проверю?

— Угу, — Хэдж внимательно посмотрел на него: — Гроу, ты себя давно видел? Говорил ведь: отстриги космы и меньше торчи на солнце. Мужики здешние в темноте тебя увидят — веслами забьют, а потом уже будут разбираться, кто ты: элярат или дурак.

— Скоро я получу корону, и тебе придется прибавлять к нравоучениям «сир». — Косички Гроу трогать не собирався. Их заплели пышногрудые жрицы в эляратском храме. Девушки пропустили между русских прядей истлевший лоскут от платка его матери. А после Гроу распластался перед алтарем и дал обет отомстить дяде за смерть родителей и вернуть трон. И пусть при обряде хмеля в нем было больше, чем крови, а молитву он вознес не эляратским божествам, а предкам, тем же вечером от Эффира пришло письмо, в котором граф предлагал помощь. Бывают ли в мире такие добрые совпадения?

Справившись с разгрузкой, эляраты отплыли.

Хэдж порылся в тюках и вытащил черный шелковый плащ:

— На вот, принарядись. Видимо, придется все-таки самим пойти на поклон к Эффиру.

Гроу послушался и накинул капюшон на голову.

Между деревьев вдали заплясали огни факелов. Около стоящего с краю дома вспыхнул кривой сарай. Послышались испуганные крики и ржание лошадей. Из темноты вылетели всадники, их сопровождали

черные волки. Гроу краем сознания отметил: не волки, а здоровенные псы. Что за бесы? Сбросив мгновенный морок, он выхватил меч. Волновали его только люди.

Сигнальный дым растаял. Пятеро всадников запетляли между хижин... к ним прибавились еще четверо... Гроу перестал считать. Все, что не шесть, — уже много.

Из дальних хижин выбежали бедняки, вооруженные кто палками, кто вилами. Но увидев псов, кинулись врассыпную.

Гроу прикинул шансы на спасение: плавать Хэдж не умел, а глубина была изрядной — попробовать убежать по берегу? Видел он на рудниках рабов, пытавшихся скрыться от всадников: их кости славно хрустели под копытами лошадей.

Все не так! Почему, предки? По спине пробежал холод.

Барон заметался рядом:

— Уходи! Прячься, слышишь?

Гроу встретился глазами с крупным всадником и выдохнул:

— Поздно.

— А ну с дороги! — проорал разбойник с ошалевшими глазами. Пряди в его густой шевелюре заискрились красным.

Такие световые чудеса наблюдались у любителей веселящих зелий.

На смену растерянности пришла ледяная собранность. Гроу подошел к краю пристани и поднял клинок. На лезвии тонкими иглами отразились послед-

ние лучи солнца. Он привычным движением прижал ко лбу холодный эфес меча и отвел в сторону.

Воздух мгновенно потяжелел, как бывает перед ударом молнии.

Крупный пес, вырвавшись вперед, прыгнул навстречу Гроу, но еще в полете морда зверя изменилась. Пропал страшный оскал, передние лапы вытянулись, словно он захотел уклониться в сторону. Пес неуклюже приземлился у ног Гроу и брызнул на сапоги слюной. Гроу без всякой опаски пнул его в грудь. Взвизгнув, собака царапнула по доскам когтями и рванула прочь. За ней протянулась тонкая мокрая полоса.

— Мор! Эй! — красноволосый придержал коня и проводил собаку недоуменным взглядом, а потом уставился на Гроу: — Малец, ты что сделал? — Его скакун забил копытами, не соглашаясь подъехать ближе.

Гроу и сам хотел знать, почему с детства вызывает у животных ужас. Он зашагал навстречу всаднику и покрутил оружием, разминая кисть. Его сердце стучало быстро и гулко, как железный молот в руке кузнеца.

— Спокойно, малец. Убери свою свистульку, пока руки целы, — всадник осадил заплясавшего коня и оскалил зубы в подобии улыбки.

В некотором отдалении от него остановилась дюжина конников. На их одеждах выделялись эмблемы с изображением черных грифов. Такие знаки наносили на мешки с телами казненных.

Гроу повел мечом, приглашая на поединок.